

Вера Зубарева

Из книги

«Гаданье на чернильной гуще»

* * *

Стеариновый оттиск луны.
Всплеск пера по чернильной волне,
Недописанных букв валуны
С затонувшей строкой в глубине,
И попутные мысли-ветра
Чуть ерошат тетрадную гладь.
Сотни лет стиховых до утра,
Коль удастся его написать.

* * *

Там в чернильнице дух мой витает
в крошечных потемках.
С этой жизнью двойной
я вчера не покончила разве?
– Спи-усни, – говорю,
а луна с завитками ребенка
сквозь чернильную скважину
смотрит в чужие фантазии.
– Уходи, – говорю. –
Мгла чернил не для глаз твоих детских.
Кто спустился туда,
тот уж вынырнет чем-то другим.
Возвращайся к себе
и примеривай звезд подвески –
ни к чему тебе мрачный чернильный нимб.

А она не уходит,
и брезжит ее любопытство.
Я смирилась,
и стол к нему тоже привык.
Только нет в том просвета,
и темень в чернильнице длится,
и не пишется набело сонный мой черновик.

* * *

Ночь примчалась на помеле ветра,
Поднимая столбы видений в воздухе.
Они толкались у тетради в костюмерной,
Вскакивали в стих, сваливались в прозу,
Барахтались в жиже клякс и кофейных пятен,
Смотрели на часы, шептали молитву
(Страшились их боя – им был неприятен
Шанс превратиться в крысу или тыкву).
Качалась свеча с лицом опухшим.
Лист корежился. Пахло гарью.
Перо накаливало слова, как мушки,
Пополняя страниц исчерканный гербарий.
– Яду мне, яду! – стонала чернильница,
И ночь-Бастинда мешала в ней варево.
Мешался ум. – Это все тебе снится, –
Кто-то напрасно его уговаривал.
Стрелки складывались в молитве о помощи,
Маятник раскачивал свою люльку,
И время бежало прочь от полночи,
Теряя безвозвратно волшебную туфельку.

* * *

Ночь крутит свой вселенский детектив.
Перо опять скребется по бумаге.
Его б упрятать в ящик – замок Иф,
Но не поймаю – нет такой приманки.

Бурчание растрепанной свечи
С повязкою из воска от мигрени.
И хочется ей крикнуть: «Замолчи!» –
Но начеку сторожевые тени.
А рукопись исчеркана до дыр,
И дух свечи над ней свивает кольца.
Страница в правках – настоящий тир,
Где в яблочко попасть не удастся.
И кресло недовольно, и окно –
В нем вид на двор полночный и обратно,
Где со столом раздор у нас давно –
Идем войной, как брат идет на брата.
Ворочается жесткая кровать
С проклятиями всяческого рода,
И сон, что с ней приятно рифмовать,
Уходит прочь, потребовав развода.

* * *

Тучей лунный свет распилен.
Ухнул в тьму трамвай, как филин,
В нижний мир уплыл,
И часы пробили полночь,
Позвала строка на помощь
Из тетрадной мглы.
Заплясало пламя свечи,
И перо дало осечку.
Буква сорвалась
С ветки слова
В бездну кляксы.
Блик вернуть ее поклялся...
И прервалась связь.

* * *

Полночь вошла, опираясь на ручки клюку.
Совы в глазах и очки на носу в паутине.
Ходики с боем фальшиво пропели: «ку-ку»,
И шестеренку заело в их адской машине.
Значит, опять не удастся забыться в раю
Снов, созревающих в темном провале подушки.
– Ладно, садись, коль пришла, – я, вздохнув, говорю,
И отступают, чуть мешкая, райские кущи.

* * *

А жизнь поэта – подневольная:
Что Бог пошлет. Бери, не сетуя.
Чернильница – в виске пробоина
С засохшей кровью фиолетовой.
Стол – поле брани. На обочинах –
Вповалку книги баррикадами.
Пустые гильзы перьев сточенных
Да темные бинты тетрадные.
Смеркается в окопах ящичков.
Притихло дезертир-наитие,
Как будто без вести пропащее.
И нет конца чернопролиту.

Филадельфия

